

А. де Алмаз Юдин

ГРОЗА МЕЧТЫ ТЕНЕЙ

ЧАСТЬ 2



18+

Гроза Мечты

А. де Алмаз Юдин

Гроза Мечты Теней. Часть 2

«Автор»

2026

Юдин А.

Гроза Мечты Теней. Часть 2 / А. Юдин — «Автор»,
2026 — (Гроза Мечты)

Когда мир больше не делится на добро и зло, остаётся только выбор между холодом и светом. Во второй части герой встречает тех, кто сильнее его, и тех, кто страшнее любого врага — людей с идеей, властью и правом решать судьбы других. Это история о свободе, которая пугает сильнее клетки, и о силе, которая разрушает того, кто не знает, зачем она ему дана.

© Юдин А., 2026

© Автор, 2026

А. де Алмаз Юдин

Гроза Мечты Теней. Часть 2

АНДРЕЙ ДЕ АЛМАЗ ЮДИН

ГРОЗА МЕЧТЫ ТЕНЕЙ
РОМАН-КИНОЛЕНТА

ЧАСТЬ 2

КУРСК, 2026

Юдин, А. Гроза Мечты Теней. Книга 2: роман-кинолента / Андрей де Алмаз Юдин. –
Курск: [б.и.], 2026. – [95] с.

Аннотация: когда мир больше не делится на добро и зло, остаётся только выбор между холодом и светом. Во второй части герой встречает тех, кто сильнее его, и тех, кто страшнее любого врага – людей с идеей, властью и правом решать судьбы других. Это история о свободе, которая пугает сильнее клетки, и о силе, которая разрушает того, кто не знает, зачем она ему дана.

18+

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Юдин А., текст, оформление, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ЖАНРЕ

СЕРИЯ 1

СЕРИЯ 2

СЕРИЯ 3

СЕРИЯ 4

СЕРИЯ 5

СЕРИЯ 6

СЕРИЯ 7

СЕРИЯ 8

ОБ АВТОРЕ

О ЖАНРЕ

Роман-кинолента – это литературно-художественная форма, находящаяся на стыке нарративной прозы и сценарного мастерства. Ключевой особенностью жанра является кадровое построение текста: повествование разбито на дискретные визуальные блоки (микро-сцены), имитирующие монтажную склейку в кино.

В отличие от классического романа, здесь минимизирована внутренняя рефлексия героя, передаваемая через поток сознания; вместо этого психология персонажа раскрывается через внешнее действие, визуальную детализацию и динамику смены планов. Текст конструируется с учетом «зрительского», а не «читательского» восприятия, где синтаксис диктует ритм и скорость «просмотра» сюжета в воображении.

Примечание автора: Данное издание представляет собой текстовую адаптацию проекта. Это литературный каркас истории. Полноценная версия «Грозы Мечты» существует как мультимедийный проект с кинематографичными кадрами, созданными для полного погружения в атмосферу. Здесь же перед вами – чистое слово, позволяющее вашей фантазии самой выступить в роли режиссера.

СЕРИЯ 1

Июльский снег падал на Курск, не успевая укрыть асфальт чистым саваном и тут же превращая город в серую кашу. Казалось, улицы беззвучно рыдают, стыдясь собственной слабости, а зелень деревьев, еще вчера обещавшая лето, теперь выглядела жалкой и неуместной. Алмаз шел сквозь эту муть, не разбирая дороги, разрезая пространство тяжелыми шагами. Ботинки давно промокли, впитав ледяную жижу, но сигнал об этом так и не дошел до мозга. Сон для него перестал быть необходимостью, превратившись в рудимент, бесполезный атавизм вроде копчика или жабр; уже две недели он не смыкал глаз, и это была не мучительная бессонница, а бесконечная фаза бодрствования. В красной радужке застыло абсолютное равнодушие.

В грудной клетке царила тишина. Сердце не билось, оно висело там тяжелым ледяным слитком, напоминавшим забытый кусок мяса в старой морозилке старой хрущевки, гудящей где-то на окраине. Кровь не струилась по венам, а стояла густым гелем. Нервные окончания

молчали: ни озноба от мокрой одежды, ни усталости в мышцах, ни боли. Только лед распирали ребра изнутри, глушил любые эмоции, превращая их в монотонный белый шум, похожий на помехи в радиоэфире.

Он был ходячим трупом, парадоксально сохранившим жизнь. Его сознание работало с четкостью часового механизма, а на пальце пульсировал алый алмаз: второй мозг, темный штурман, прокладывающий курс сквозь изнанку мира.

Войдя в дом, бунтарь на секунду замер, его взгляд зацепился за открытку, забытую на подоконнике дольше положенного. Внутри дрогнул слабый отблеск тепла, но тут же покрылся инеем, успев лишь напомнить, что прошлое в этих стенах все еще дышит.

Алмаз рухнул на диван, где когда-то валялся с пультом, и ощутил укол воспоминаний. Он резко тряхнул головой, отгоняя наваждение, и полез под кровать. Пальцы нащупали старый рюкзак с оторванной лямкой, такой же потрепанный и грязный, как и его нынешняя судьба.

Сборы напоминали загрузку боевого протокола. Черная водолазка. Свежие штаны. Майка. Зарядка, телефон, наушники. Вещи летели в рюкзак, повинаясь заученному скрипту. Пока мальчик механически укладывал снаряжение, готовясь к очередной безнадежной авантюре, за его спиной происходило странное движение.

Это минерал на кольце играл с реальностью, выпуская своих гончих. Камень безошибочно чуял чужое одиночество. Не то гордое уединение, которое люди выбирают сами, прячась за музыкой в наушниках (за такими тень Алмаза висела безмолвной статуей, лишь наблюдая), а болото, в котором человек тонет против воли.

К таким людям хитрец приходил не собой, а кем-то другим, тем, кого они хотели видеть: сыном, ушедшим из дома, другом, пропавшим без вести, или даже тенью любимого, давно растворившегося в прошлом. Он не контролировал это полностью, но минерал решал, чье лицо надеть. Каждый такой визит откладывался в памяти, и когда зеленоглазый задумывался, то хитрец мог взять контроль, выдернуть себя из чужих снов, чтобы стать снова собой. С другой стороны, бунтарь не всегда понимал, почему люди так зомбируются и тянутся к нему.

Когда мальчик затягивал молнию рюкзака, руки задрожали. Вибрация пошла в ноги, будто кто-то включил режим отбойного молотка прямо внутри костей. Память подкинула картинку: в прошлый раз, когда дрожь накрыла его с головой, он не сдержался. Поток холода вырвался наружу, ударив в случайного прохожего, мужика в нелепой куртке с логотипом «Пицца Кур». Тот застыл мгновенно, покрывшись коркой инея, превратившись в ледяную статую посреди улицы. Алмаз тогда рванул прочь, не оглядываясь, чувствуя, как внутренняя стужа довольно смеется, торжествуя над человечностью.

Дрожь достигла пика, грозя разорвать мышцы, но коротким усилием воли зеленоглазый взял контроль над собой. Память тут же, словно киноплёнка, отмотала события на три дня назад, в тот момент, когда он распахнул окно.

Десятый этаж смотрел на него бездной двора. Холодный воздух ворвался в квартиру наглым гостем, но для Алмаза он был родной стихией. Он перекинул ногу через подоконник, предвкушая краш-тест этой новой, нечеловеческой оболочки, и шагнул в пустоту.

Полет был коротким, а асфальт приближался с неумолимостью приговора. Удар вышел глухим: левая нога отозвалась треском ломающейся кости, но боли не было: нервы, убитые морозом, молчали. Внутри лишь хмыкнула тьма: «И это всё?» Лежа на мокром асфальте и глядя в небо, где снежинки кружили хоровод невысказанных мыслей, бунтарь чувствовал, как работает его организм. Кость не просто срасталась, а мороз заполнял трещину, действуя как мгновенный клей, спаивая осколки и делая конструкцию прочнее прежнего. Он встал, отряхнулся и пошел дальше.

Алмаз шёл к автовокзалу, не глядя по сторонам.

Воронеж. Почему именно туда? Четкого ответа не было, был лишь зов. Его тени, которые отделились от хозяина, уже бродили по улицам соседнего города, примеряя чужие лица

и судьбы. Мальчик бывал там раньше, и уже тогда Воронеж казался ему странным местом, зазеркальем: те же панельки, те же ларьки с шаурмой, тот же воздух, но всё словно отражено в кривом зеркале, искажающем суть вещей.

Сейчас хитрец возвращался туда не ради кого-то, а чтобы убежать от чего-то. Алмаз бежал от себя, от мёртвой тишины, от пустоты, что звенела в ушах. Чужой город манил не ответами, а сладкой возможностью окончательно потеряться среди незнакомых улиц.

Автовокзал встретил его смесью запахов выхлопных газов и дешевого пережженного кофе. Людей было немного. Пассажиры жались по углам, ожидая свои рейсы в никуда. Бунтарь подошел к кассе. Женщина за стеклом, с лицом, выражающим всю скорбь мира, будто она продавала билеты на паром, даже не подняла на него глаз.

– Воронеж, – сказал зеленоглазый тихо, но отчетливо.

– Восемьсот, – отрезала кассирша, пальцы которой уже летали над клавиатурой.

Хитрец сунул руку в карман и вытащил мятые купюры. Несколько тысяч рублей. Зеленоглазый не помнил, у кого их украл. Может, у того мужика в переходе, что продавал носки? Или у пьяного в автобусе, который спал, уронив кошелек? Деньги были грязные, но их хватило. Бунтарь взял билет, сунул сдачу в карман и отошёл к автомату с чаем.

Пластиковый стаканчик с чаем обжег бы пальцы любому другому, но Алмаз даже не почувствовал тепла. Он сделал глоток. Горячая жидкость, едва попав в пищевод, тут же остыла, превращаясь в желудке в ледяной ком. Его внутренний холод пожирал любое тепло, ассимилируя его, превращая в ничто.

Люди вокруг косились. Для них парень с обмотанной тряпками катаной за спиной выглядел как заигравшийся подросток, нацепивший готический прикид, местный фрик, насмотревшийся аниме. Кто-то, возможно, думал, что он сбежал из дома, кто-то просто крутил пальцем у виска.

Хитрецу было всё равно. Пусть смотрят. Большинство из них, едва мазнув по нему взглядом, тут же утыкались обратно в экраны телефонов, пролистывая его образ, как очередной скучный мем в ленте новостей. А ему это даже нравилось. Не их внимание, нет. Ему нравилось осознание пропасти между ними. Он не был одним из них. Он был холодом. Он был Алмазом.

И это ощущение превосходства, смешанное с ледяным одиночеством, было... хорошо.

Хитрец опустил на холодные рейки скамейки, невидящим взглядом сверля мутную лужу под ногами. В грязной воде отражались его красные глаза, единственное, что в нем оставалось честным. В голове роились мысли. Тени, его верные псы, уже рыскали по Воронежу, найдя первую жертву: какую-то старуху, в бреду зовущую его «Сережей». Тоска этой чужой женщины уже оседала в его душе пылью, но он привык.

– Всем нравится невозможно, – прошептал мальчик, обращаясь к своему отражению. – Поэтому приходится становиться хамелеоном. Настоящего прогонят. Мальчик, выдыхающий стужу, скорее вызовет желание вызвать полицию или экзорциста, чем желание обнять. Главное, что я нравлюсь себе. А остальные пусть смотрят спектакль и хлопают, если успеют разморозить свои ладони.

К платформе подползла пассажирская «Газель». Водитель, грузный мужчина с пышными усами, устало махнул рукой. Алмаз шагнул в душное нутро маршрутки, прижимая к себе рюкзак, и занял место у окна. Машина тронулась, и Курск поплыл назад, растворяясь в легкой снежной дымке. За стеклом потянулись бесконечные поля, присыпанные тонким слоем снега, словно кто-то гигантский посыпал землю мукой, но в последний момент пожалел припасов.

На автовокзале у платформы, что отправила мальчика прочь, стояла девушка. Белоснежные волосы спадали на плечи, контрастируя с неестественно бледной кожей. На вид ей было не больше восемнадцати, но в чертах лица сквозило что-то наивное. Белая футболка с черными принтами смотрелась на ней пятном на засвеченной фотопленке. Она держала телефон перед собой, записывая "кружочек" в мессенджер.

– А вы не знаете, кого я засекала? – прозвенела она с рокерской хрипотцой, какой обладают девчонки, сорвавшие связки на концертах.

Пальцы с идеальным маникюром быстро отбили сообщение. А затем законы физики сломались. Её тело дернулось, и через мгновение она взлетела вверх с пугающей скоростью баллистической ракеты.

Кассирша за стеклянным окном выронила мелочь, монеты звонким дождем рассыпались по полу, но никто даже не шелохнулся. Несколько зевак подняли телефоны, пытаясь поймать хайп, но экраны пошли рябью: техника боялась смотреть правде в глаза.

В «Газели» бунтарь поначалу ничего не заметил. Он гипнотизировал взглядом полосу дороги, убегающую под колеса. Но внезапно затылок пронзило ощущение чужого присутствия. Водитель вдруг напрягся, его глаза расширились в боковом зеркале. «Газель» дернулась, уса-тый вдавил педаль газа в пол, и двигатель надрывно взревел. Алмаз мгновенно просек неладное.

Он, сорвав с пальца кольцо с минералом, швырнул его в приоткрытую форточку. Камень, подчиняясь воле хозяина, не упал, а завис в потоке встречного воздуха, став его выносным глазом, его дроном. Через связь с минералом картинка ударила прямо в мозг, и зеленоглазый едва не задохнулся.

Там, параллельно несущейся маршрутке, летела девушка. Её звали Женя. Она не лежала на потоках воздуха, как супергерой из комиксов, она стояла, гордо выпрямив спину, и просто скользила по невидимой дороге со скоростью автомобиля, словно гравитация была для нее лишь недоразумением.

Бунтарь оцепенел. Он ведь был уверен, что зачистил всё: Надира, Ник... Он победил их всех, или думал, что победил. Но сейчас Евгения приблизилась к окну. Её глаза смотрели прямо на него, сквозь металл и стекло.

Она выманивала его, и это было так же очевидно, как неоновая вывеска шаурмичной в ночи. Пришло горькое осознание: всё, что он прошел, все его страдания и триумфы – это был лишь черновик. А сейчас судьба скомкала исписанные листы и собиралась переписать главы заново, но уже чужой рукой и кровавыми чернилами. Его шрамы, его победы – всё это вмиг превратилось в сухую листву, готовую разлететься в прах от одного взмаха руки этой бледной девчонки.

Бунтарь резко выбросил руку к окну «Газели». Концентрированный мороз рванул из пальцев ледяным копьём. Стекло мгновенно покрылось морозными узорами, жалобно хрустнуло, а через долю секунды разлетелось вдребезги со звоном, словно пустая пивная бутылка об асфальт.

Хитрец подтянулся и одним слитным движением выпрыгнул на крышу несущейся машины. Он приземлился на четыре точки с глухим стуком, прогнув металл. Не теряя ни секунды, Алмаз вскинул руку. С кончиков пальцев сорвалась слепящая молния и устремилась к летящей фигуре. Девушка даже не дернулась, не попыталась уклониться. Разряд просто впитался в её тело, не причинив вреда. Она лишь лениво повернула голову в его сторону, будто отмахиваясь от назойливого комара, решившего её укусить.

Маршрутка, потеряв управление из-за паники водителя, виляла по трассе. Сзади уже росла пробка, слышались гудки и отборный мат, но Алмазу было плевать на сопутствующий ущерб. Он спрыгнул с крыши на полной скорости.

Зеленоглазый рванул вперед, ускоряясь с каждой секундой. Он бежал не как человек, а как зверь, преследуемый пожаром. Мальчик лавировал между машинами: обогнул «Оку» с синим крылом, перепрыгнул через капот «Нивы» с прицепом дров, пронесся мимо автобуса с прилипшими к окнам школьниками. Трасса осталась позади, и он свернул на бездорожье, перемахивая через холмы, ноги несли его к леску с голыми деревьями.

Блондинка не отставала. Она летела над ним, выбирая путь по воздуху, срезая углы над холмами и верхушками деревьев. Но и Алмаз был быстр, нечеловечески быстр, словно сама тьма гнала его вперед, подальше от этого слепящего, неправильного света.

Он остановился на окраине Воронежа, выбрав в качестве арены крышу высокой восьмиэтажки. Здесь, в отличие от Курска, ярко светило солнце, заливая город золотом, которого ему так не хватало. Алмаз стоял, крепко сжимая рукоять катаны, и смотрел, как неумолимо приближается летящая Женя.

– Что ж, – произнес зеленоглазый с напускной бравадой. – Я буду ей даже благодарен, если она сможет растопить моё несчастное, ледяное сердечко.

СЕРИЯ 2

Спартанка подлетела почти вплотную, зависнув над крышей. Алмаз приготовился к атаке, но удар пришел откуда не ждали. Его ударил чистый импульс силы, невидимый таран, что быстрее ветра. Зеленоглазого буквально снесло, и он проломил собой ограждение крыши, летя вниз, на землю.

Евгения мягко приземлилась на оживленную трассу. Она посмотрела перед собой, в клубящуюся пыль, где копошился Алмаз. В её глазах читалась странная смесь равнодушия и какого-то усталого сочувствия, как продавщица в сельском магазине смотрит на алкаша, у которого явно не хватает на бутылку, но она все равно ждет.

– А ты не знаешь, кто виноват в обрушении дома на улице Комарова? – спросила девушка.

Бунтарь, выбравшийся из-под обломков, задумался. Обрушение... В памяти всплыли обрывки новостных сюжетов: руины панельного дома, пыль, вой сирен, списки погибших. Но он ничего не знал о причинах.

– Может, я прихожу туда во сне и устраиваю локальный апокалипсис? – задумчиво протянул он, стяхивая с плеч бетонную крошку. – Вот только я не сплю. И снов не вижу. Понятия не имею, о чем ты, белобрысая.

– Значит, тебе пора спать, – ответила она, вынося вердикт.

– Наконец-то я засну, – театрально развел руками Алмаз, словно приглашая её в объятия. – Но хватит ли у тебя сил, чтобы погрузить меня в вечный сон?

Вокруг Жени воздух задрожал, и из ниоткуда начали материализовываться золотые осколки. Они закружились в вихре, притягиваясь к её телу, собираясь в сложный пазл, пока не сомкнулись в сплошной золотой доспех, идеально подогнанный по её фигуре.

Броня вспыхнула, и от неё во все стороны разошлась невидимая волна. Доспех развернул поле, изолирующий купол, отрезавший часть района от остального мира.

Реальность изменилась. Алмаз и Спартанка оказались заперты в странном, пустом месте. Это был всё тот же район Воронежа, те же панельки, те же улицы, но абсолютно безлюдные. Ни машин, ни прохожих, ни звуков города. Окна домов зияли черными провалами, как глазницы черепов. Солнце светило ярко и холодно, предвещая не добрый день, а кровавую расправу на этой заброшенной съемочной площадке.

Зеленоглазый понял: игры кончились. Он сжал кулак, концентрируя всю доступную энергию. Мощнейшая молния с треском сорвалась с его ладони, метя в голову противницы.

Женя даже не пошевелилась. Она лениво подняла руку, согнутую в локте, и приняла удар на предплечье. Молния, способная испепелить человека, бессильно рассыпалась искрами о золотой металл. Девушка сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. И нанесла тяжелый удар ногой.

Алмаз отлетел, но сгруппировался в воздухе и приземлился на пружинящие ноги. Он двинулся вперед на сверхскорости, превратившись в размытый силуэт. Лезвие пело песню смерти, целясь в уязвимые точки: шея, подмышки, суставы. Но золотая броня Жени жила своей жизнью, она распалась на мириады осколков, которые закружились вокруг хозяйки гудящим

роем золотых ос. «Осы» сами собирались в непробиваемые щитки именно там, куда должен был прийти удар клинка, предсказывая траекторию с машинной точностью.

Тогда Евгения перешла в наступление, её движения казались плавными, но за этой медлительностью скрывалась чудовищная мощь. Зеленоглазый уворачивался, скользил тенью, пытаясь найти брешь, но каждый её удар ломал его оборону, как сухие ветки. Треск кости в предплечье, затем хруст ребер замедляли его.

В какой-то момент бунтарь ошибся. Спартанка перехватила его ногу в полете. Она держала его так легко, словно он был ненужным котенком, а затем с размаху впечатала в землю. Асфальт взорвался, треснув, как яичная скорлупа. Но Женя не закончила. Она дернула его снова, швыряя прочь, но с такой силой, что тело улетело, а нога Алмаза осталась в её руке.

Мальчик врезался в бетонную стену панельки, оставляя темный след. Пока он сползал по стене, культия уже дымилась морозом: лед заменял кости, мясо нарастало поверх льда. А девушка тихим шагом уже шла к нему.

Бунтарь крикнул, сконцентрировал всю свою силу в одну точку. Он использовал ультразаряд «Гроза Мечты», воткнул катану в потрескавшийся асфальт, а его глаза загорелись, налившись цветом густой крови. Силуэт хитреца почернел, словно ночь вырвалась наружу. Алмаз стал самой молнией, ослепляющим разрядом, бегущим по земле.

Спартанка среагировала молниеносно. Её осколки вмиг собрались в плотную броню. Когда зеленоглазый уже почти коснулся её, вокруг неё вспыхнул прозрачный купол, силовое поле. Хитреца отбросило, будто он ударился о стену. Лицо вспорола острая волна силы, но рана тут же покрылась льдом. Пока он приземлялся, в блондинку уже летели куски земли и льда.

Женя ответила на это по-своему: её осколки собрались в ещё более длинный меч, чем у него. И она, вспыхнув золотым светом, метнулась в полёт. Они сошлись снова: бунтарь ускорил удары катаной, но Евгения успевала блокировать каждую атаку, каждое движение и даже отвечать.

Казалось, хитрец наконец адаптировался, его удары становились всё быстрее, но Спартанка опять активировала купол, и мощный отталкивающий импульс разорвал их дистанцию, отбросив мальчика на несколько метров.

Блондинка исчезла под землю. Зеленоглазый едва успел заметить движение под трещащим асфальтом, как Спартанка, вылетев из-под земли, ударила его с разворота. Удар был сильный, словно его сбила грузовая фура. Мальчик отлетел, кувыркаясь в воздухе, и глухо врезался в стену.

Хитрец поднялся на ноги и инстинктивно начал замораживать всё вокруг: асфальт трескался, окна в домах покрывались инеем, воздух становился густым, как стекло. Фасады дрожали, видя перед собой дурной сон: рекламная вывеска «24 часа» мигнула, сдалась, погасла, не хватило смелости светить в наступившую полярную ночь.

Девушка не стала ждать. Она взлетела в воздух и использовала свой ультразаряд с названием, которое отражало её суть. Одним мощным взмахом она метнула доспех в Алмаза. Золотая броня врезалась в мальчика, подбросив его в воздух, как тряпичную куклу. Бунтарь не успел и моргнуть, как Женя облетела его, собрав осколки обратно в сжатый, горящий кулак, который вспыхнул золотым светом.

– Событьльник солнца! – крикнула она.

Кулак блондинки ударил его прямо в грудь, и всепоглощающая сила пронзила Алмаза насквозь. Он не почувствовал боли, а только бесконечную тяжесть, словно само небо обрушилось ему в сердце.

Ударная волна швырнула его далеко прочь. Алмаз пробил витрину какого-то супермаркета и влетел внутрь, сминая стеллажи с печеньем и дешёвыми игрушками. Доспех не остановился, он нёсся следом за хитрецом, вращаясь в воздухе.

Алмаз лежал в эпицентре хаоса, среди смятых упаковок и брызг битого стекла, похожего на рассыпанный сахар. В ушах стоял сверлящий звон, а мир перед глазами дрожал, теряя фокус. Его вырубил всего на пару секунд, но этого хватило, чтобы почувствовать вкус поражения. Время растянулось, превратившись в жвачку.

Пока золотой доспех, вращаясь, летел к нему, чтобы поставить точку, разум мальчика, загнанный в угол, родил безумную идею. Если нельзя расплавить чужое солнце, если нельзя пробить его броню снаружи... Нужно превратить её сердце в звездный лед.

Он сжал кулак, царапая ладонью пол, и сосредоточился на том абсолютном холоде, что жил в его груди. Невидимая волна сорвалась с пальцев, проигнорировала броню и ударила в самую суть. Лед прошел сквозь золото, сквозь её кожу, скрывая внутренности.

Евгения застыла в воздухе, её белая кожа стала почти прозрачной. Золотой доспех, потеряв подпитку, замедлил вращение, завис и рассыпался на землю. Её глаза расширились в немом крике, она опустила руки и судорожно хватала ртом воздух, которого для неё больше не существовало.

И тут ненастоящее поле битвы не выдержало. Реальность, созданная её силой, зашипела, как вода на раскаленной сковороде. Краска на стенах панелек вдруг потекла вверх, обратным дождем, словно кто-то прокручивал киноленту назад. Мир пошел трещинами, начал перекакивать. Солнце в небе мигнуло, превратившись в битый пиксель, и на секунду погасло.

Мальчик не стал ждать, пока система перезагрузится: он тенью скользнул в образовавшуюся брешь в куполе, вываливаясь из глючащей арены в настоящий Воронеж. Хитрец рванул прочь, хромя и оставляя позади Спартанку, которая рухнула на асфальт, погружаясь в темноту.

Среди привычной архитектуры Воронежа возвышалось здание, абсолютно чуждое этому городу: стеклянный монолит корпорации «Океан и Небо». Его зеркальные стены отражали небо и редкие фонари, искажая их суть, превращая город в кривую абстракцию. К офису вела идеально гладкая подъездная дорога без единой трещины, словно язык, готовый слизать любого посетителя.

Но на входе царил проза жизни: турникет, двое охранников в черных пиджаках с лицами, лишёнными интеллекта, и кофейный автомат, гудящий, как старый дизельный грузовик. Однако в холле пахло иначе. Здесь витал сложный аромат: легкая горечь перегретых процессоров, пыль с микрочипов и резкая химия краски от новых купюр. Здание дышало этим запахом, вращивая внутри себя что-то куда более масштабное и зловещее, чем просто бизнес-процессы.

«Океан и Небо» заявил о себе громко. IT-гигант, который делал всё: от примитивных утилит для оплаты штрафов до софта для национальной обороны и искусственного интеллекта, который, согласно их слогану, «менял будущее». Но за глянцевым фасадом скрывалась не кофейная бодрость стартапа, а тяжелая тайна.

На верхнем этаже, в зале совещаний, где свет был выстроен так, чтобы тени пожирали лица, шло заседание Совета Директоров. Их было шестеро. Темные силуэты, лишённые индивидуальности. Угадывались лишь детали: у одного щеки лоснились, как у проворовавшегося завмага, у другого лицо было плоским и худым, третий светил залысынами, четвертый носил челку, застрявшую в моде восьмидесятых. Они сидели за длинным столом, поверхность которого заменяли мигающие экраны, и обсуждали не людей, а активы. Разрушителей и минералы.

Этажами ниже, в кабинете, заставленном серверами, царил другая атмосфера. Несколько молодых программистов, бледных от нехватки солнца, сгрудились у мониторов. Девушка в очках с толстой оправой и короткой стрижкой долбила по клавиатуре, словно пытаясь убить кнопки. Рядом парень с жиденькой рыжей бородкой, одетый в мятую футболку с пингином Linux, кусал губу до крови, не отрываясь от экрана.

На главном мониторе тревожно пульсировали красные строки логов: «ОБЪЕКТ "СПАРТАНКА": КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ. СТАТУС: ОТКЛЮЧЕНА». Графики жизнеобеспечения скакали, как кардиограмма перед остановкой сердца, а на карте Воронежа мигала точка, где её система ушла в перезагрузку.

– Мы ведь так и не синхронизировали её с нейросетью? – сказал парень с бородкой.

– А нам дали?! – рявкнула девушка, не прекращая печатать код отката. – Я писала докладные трижды! Предлагала провести тесты! Но кто меня слушал? Меня послали в задницу. Маркетолог сказал, что «нейросеть» – это модный тренд, и это слово должно сначала появиться в пресс-релизе, а потом уже в коде. Вот и получили свой гребанный «тренд». Здесь всё делается «на отвали».

– Типичная фигня, – выдохнул парень, откидываясь на спинку кресла. – Главное, чтобы большие дядьки наверху получили бонусы, а на нас всем плевать. Каждый отдел сам за себя, как пауки в банке.

– Эй, я слышал, они хотят ввести рейтинговую систему выживания в нашем отделе! – крикнул кто-то из темного угла серверной. – Так что обновляйте резюме, народ. Если нас не уволят за этот провал, то сожрут свои же.

На окраине Воронежа, среди битого стекла, сверкающего в лучах солнца подобно драгоценной крошке, шевельнулась Женя.

Она лежала на асфальте, раскинув руки. Дыхание возвращалось в сбитые легкие медленно, жадными глотками. Спартанка с усилием встала, стяхивая наваждение. Первым делом, еще даже толком не встав, она выудила из кармана уцелевший телефон. Девушка привычным жестом запустила запись видеосообщения.

– Это я, – начала она. – Это мой доспех. А это снова я, которую пять минут назад чуть не превратили в ледяную скульптуру для парка Горького. Моё начальство вообще в курсе, с каким уровнем угрозы мы имеем дело? Или мне снова скажут про «риски»?

Блондинка сжала запястье. Повинуясь безмолвному приказу, золотые осколки, усеявшие асфальт, словно намагниченные, устремились к ней. С тихим звоном они собрались на её руках в гладкие наручи. Женя, не оглядываясь на разрушения, резко оттолкнулась от земли и свечой ушла в небо, исчезая в облаках.

Алмаз скользнул в приоткрытое окно чужой квартиры на втором этаже. Он двигался бесшумно, как профессиональный вор, которому, впрочем, нечего красть, кроме тишины.

Он сбросил рюкзак на пол, выудил оттуда черную водолазку и натянул её взамен рубашки. Подойдя к зеркалу, висевшему у полки, заваленной дешевой косметикой и стикерами, он всмотрелся в свое отражение.

– Совсем не то, – с отвращением сказал он, оправляя ткань. – Это не я. Кто вообще шил это убожество? Зря я поторопился с переездом. Одни проблемы сегодня, одни сплошные сбои.

Бунтарь раздраженно сорвал водолазку и вновь облачился в старую рубашку, накинув сверху жилетку с поясом. Так было правильнее. Он сел на диван, откинулся на спинку и тяжело выдохнул.

На столе рядом лежали книги, таблетки, какие-то тетради, кружка с надписью «лучший брат» и открытый ноутбук с наклейками. Жизнь владельца вписывалась в эти пятнадцать дюймов экрана, примеряя свободу в пикселях, да так и не решаясь выйти наружу.

– В моей комнате пусть не было так современно, зато было просторно, – сказал он, чуть смеясь. – А этот парень явно спит с мамой или на полу. Да как он живет в этой коробке?

В этот момент его тело покрывлось тенью. Глаза вспыхнули красным.

– Когда меня заперли на поле битвы, я потерял связь со своей паствой, я вас не вижу, – прошептал бунтарь.

Из его сердца тени, что неслись по городу, искали красные сердца: тех, кто тоскует, тех, кто ждёт, тех, кто не вынес одиночества.

Но одна сцена зацепила внимание Алмаза. Девочка. Вся в татуировках. На руках, на шее, даже на лице. Слишком юная и слишком потерянная. Она сидела на подоконнике пятого этажа, босиком, и смотрела вниз, в асфальт, в пустоту.

Молния взорвалась из его руки, разнеся стену квартиры. Хитрец рванул вперёд с такой скоростью, что сам себя догнать не мог. Быстрее, чем раньше. Быстрее обычного. Но город – это не деревня. Машины, углы, дома, которые он обегал: всё это тормозило его на долю секунды.

Он прибыл, но опоздал. На тротуаре стояли люди. Кто-то закрыл глаза. Кто-то снимал. Почти неподвижная рука юной девочки шевельнулась. Зеленоглазому стало немного легче, но на душе так же тяжело.

– Нет... – выдохнул хитрец. – Я мог... Это всё из-за этой.

Бунтарь отошел метров на сто и сел на скамейку, стоявшую у края тротуара. Его глаза, всё ещё красные, смотрели в пустоту. В них застыл шок, но не было ни слёз, ни гнева, ни боли. Конечности подрагивали, несмотря на холод, что сковывал их. Жаркое солнце висело над городом, но его лучи не касались Алмаза, будто боялись подойти ближе.

– Но даже я не вечен, – прошептал он так, что даже листья не услышали.

СЕРИЯ 3

Многоэтажки Воронежа стояли молчаливыми рядами, словно уставшие от самих себя и тех жизней, что копошились в их бетонных утробах. Из подъезда вышла Вика. Рядом, цокая коготками по асфальту, семенила маленькая собачка. На девушке была простая черная водолазка и темные джинсы; рыжие волосы, не знавшие сегодня укладки, рассыпались по плечам живописным хаосом. Легкий макияж не скрывал того факта, что ей девятнадцать, хотя выглядела она младше, почти подростком, застывшим на пороге взрослой жизни.

Во дворе было пусто. Ни соседей, выгуливающих детей, ни машин: только ветер лениво гонял пыль по тропинке. Вика держала телефон у лица, записывая голосовое сообщение. Её речь текла медленно, с характерными паузами человека, который подбирает слова на ходу.

– Я послушала твои голосовые, – начала она, глядя под ноги. – Прости, что так долго, замоталась. Кстати, да, я была в уника утром... и, честно говоря, жалею, что вообще пошла на вышку. Работа есть, там главное опыт, портфолио, а этот диплом... Универ можно и бросать, наверное. Хотя заочка жить особо не мешает. Но, типа, достали эти лабы по алгоритмам, сил нет.

Рыжеволосая замолчала, отпуская кнопку записи. Её внимание привлекло движение в траве. На тропинку выполз ежик, который топтался в пыли, явно потеряв ориентиры в этом ландшафте. Вика присела на корточки, и теплая улыбка тронула её губы. Она сфотографировала зверька и отправила фото следом за аудио. Собачка заинтересованно тявкнула, но ежик даже не шевельнулся, всем своим видом показывая, что природа выдала ему персональный доспех от любых прикосновений этого мира.

Тем временем в другом конце города, в недрах корпорации «Океан и Небо», атмосфера была иной. Женя шагала по бесконечному коридору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.